

*Ерошкин Ю.В.,
младший научный сотрудник
отдела истории МарНИИЯЛИ*

Гонения на Церковь на территории Марийского края в период осуществления политики военного коммунизма

Гонения на Церковь в истории нашей страны советского периода происходили постоянно. Однако имеются исторические этапы, в которые наблюдалось усиление репрессивной деятельности властей по отношению к верующим. Это 1918–1924, 1929–1933, 1937–1939, 1941–1942, 1947 — начало 1950-х годов, а также период хрущевских гонений за веру. Данное со-общение посвящается первому периоду репрессий, в ходе которого в стране осуществлялась так называемая политика военного коммунизма.

Под термином «военный коммунизм» обычно понимают систему чрезвычайных мероприятий, проводимых в разных областях жизни в нашей стране с 1918-го по начало 1921 года. Из самого названия следует, что оно несет определенную идеологическую нагрузку. Военный коммунизм в РСФСР стал не только системой мобилизационных мероприятий в условиях внешних и внутренних трудностей, а своего рода моделью общественного развития, связанной с реализацией советского варианта модернизации страны и ее культуры, о чем свидетельствуют проводимые в первые годы советской власти реформы календаря, языка, системы образования, борьба с Церковью, попытка создания в нашей стране своего рода гражданской религии. О религиозном характере большевизма писали многие русские философы. Н.А. Бердяев, например, отмечал, что «русский большевизм — явление религиозного порядка... <...> ...состояние духа и явление духа, цельное мироощущение и мирозерцание»¹. Б.П. Вышеславцев свидетельствовал: «Атеистическая религия коммунизма имеет своих пророков... <...> иконы, гробницы, мощи, священное писание, догмы, патристику, имеет свои ереси... <...> свой катехизис, прекрасно организованную инквизицию»².

Таким образом, советское государство было идеократическим. В связи с этим основной причиной гонений за веру Христову в нашей стране было то, что мировоззрение, понимание смысла человеческой жизни, которые предлагала Церковь в качестве образца, коренным образом отличались от представлений о человеке и социуме, навязываемых обществу советской властью. И.А. Ильин в связи с этим отмечал: «Христианство обращается к духу в человеке и призывает его к совершенствованию во всех областях жизни. Большевизм, напротив, взывает к чувственным побуждениям и страстям в человеке, обещает ему удовольствия и

наслаждения. Христианство обращается к сердцу; оно взыскует любви к Богу и ближнему. <...> Большевик проповедует нетерпение, сопротивление, протест. Он требует, угрожает, подстрекает и подрывает. Он стремится силой отнять у других то, чего ему не хватает. <...> Христианская вера побуждает в человеке живое чувство личного достоинства и чести. <...> Большевизм относится к чести как к «буржуазному предрассудку», препятствующему человеку в классовой борьбе. <...> Христианство, таким образом, относится к большевизму как любовь к ненависти, как обуздание к разнузданию, как служение к произволу, как жертвенность к алчности»³.

Другой причиной гонений на Церковь было то, что характерное для Руси традиционное христианское благочестие разрушалось под влиянием модернизации культурно-хозяйственного уклада жизни, частью которой являлась секуляризация, выявившая наличие у населения нашей страны особенностей, созвучных коммунистической идеологии. Вероятно, это было связано с такими особенностями развития Православия в России, как недостаток храмов, священнослужителей, опытных духовников на уровне приходского духовенства, нерегулярным участием части населения в церковных Таинствах⁴, что препятствовало глубокому усвоению им христианской веры. Среди белого духовенства получили распространение взгляды на положение Церкви, из которых потом выросло обновленчество. Соблазном для священства Поволжья в целом и Марийского края стало, в частности, решение национального вопроса, когда национальная идентификация, вопреки духу Евангелия, ставилась впереди религиозной. Часть духовенства, разделявшего такой подход, в первые годы советской власти оставила священническое служение (священники Михаил Сазонов (Янтемир), Тихон Ефремов и др.), часть впоследствии ушла в обновленчество, большинство которого на территории Марийского края составляли выходцы из мари. Часть духовенства разделяла и революционные идеи. Например, священник Покровской церкви села Ронга Димитрий Зиновьев писал Казанскому архиерею о том, что приходской диакон не исполняет данных ему поручений, предпочитает более учить детей революционным песням, чем служить, ставит спектакли, чем подрывает авторитет духовенства среди верующих⁵.

Тревогу современников вызывало и состояние монашества. 5-13 июля 1909 года в Троице-Сергиевой лавре состоялся I всероссийский съезд монашествующих, на котором основной причиной недостатков в жизни монастырей было признано общее обмирщение христианской жизни. Епископ Вологодский Никон (Рождественский), председательствовавший на съезде, констатировал: «Монашество наше в духовном отношении все более и более опускается, и становится страшно за ту великую идею, за тот святой идеал, носителем которого должно быть иночество»⁶. Ситуацию в Марийском крае в связи с этим проиллюстрируем тремя при-

мерами. При посещении Царевококшайской Богородице-Сергиевой женской обители в 1907 году Андреем (Ухтомским), епископом Мамадышским, отмечалось отсутствие при монастыре опытного духовника или старицы, что создавало затруднения при духовном окормлении матушек⁷. Среди важнейших проблем стала приверженность ряда монашествующих революционным идеям. Свидетельством тому является отчет игумении Вершино-Сумского Введенского монастыря Смарагды (Комаровой), где отмечалось, что «настроение сестер стало хуже в сравнении с прежними годами, что особенно проявляется в непокорности и непослушании, а еще прискорбнее всего, что проявляют дерзкие выходки, даже с угрозой на подачу жалоб в местный совет с ложными доносами... <...> Эти выходки делались не всеми сестрами, но некоторыми»⁸. Одним из соблазнов, который приходилось преодолевать насельникам повожских обителей, были конфликты на национальной почве. Таковые были в Мирносицкой пустыни, Сурском Михаило-Архангельском мужском, Козьмодемьянском Свято-Троицком женском монастырях, Аштавай-Нырской Свято-Никольской мужской монашеской общине. Например, среди документов обители в честь Архангела Михаила сохранилось прошение от 14 июля 1918 года иеромонаха Серафима (Кузьмина), ныне преподобномученика, о переводе его в Казанский Зилантов монастырь: «В настоящее тревожное время в Михаило-Архангельском черемисском монастыре, в коем в очень значительном количестве преобладают черемисы, образовалась племенная рознь между черемисами и чувашами, почему последним жизнь становится невыносимой. Не желая наводить на большой грех и неприятности, я, как чуваш, считаю более благопристойным и разумным уйти из Михаило-Архангельского черемисского монастыря, в нем прожил 16 лет, а потому прошу... <...> хлопотать пред Епархиальным начальством о перемещении меня в... <...> Успенский Зилантов монастырь»⁹.

Ситуацию с мирянами также проиллюстрируем несколькими примерами. В одном из писем архимандрита Аверкия (Бойкова), проживавшего в предреволюционное время при храме Рождества Пресвятой Богородицы села Семеновка, читаем: «У нас в медвежьем углу распространилось безбожие. В 1915-м и 1916 годах шли здешние мужички на войну, почти все перебивали у меня на благословении и со слезами просили молиться о них. И что же теперь вижу, возвратились через год они домой, не признают Бога и надсмехаются над Церковью и духовенством. Ах, как тяжело смотреть на этих несчастных... <...> людей»¹⁰. Священник Иоанно-Предтеченской церкви села Акашево Василий Трофимов, впоследствии протоиерей, писал: «Между русскими прихожанами замечается неверие в Бога, непочитание святых мощей и святых икон, некоторые не признают загробной жизни, и это замечается большей ча-

стью среди прибывших с фронта солдат»¹¹. В селе Шапы, например, прибывший с фронта «истоптал иконы, бросил в печь», придя в церковь, оскорбил священника¹².

Третьей причиной гонений, которую хотелось бы выделить, стало то, что с 1721 года Русская Церковь была в некотором роде государственным учреждением во главе с обер-прокурором Святейшего Синода. Эта связь с государством, имея и положительные стороны, привела к тому, что претензии населения к властям автоматически переносились и на Церковь, недовольство властью приводило к недовольству Церковью. Конечно, это не могло быть основной причиной гонений за веру, но на масштабах преследований, степени их ожесточенности, по-видимому, сказалось.

Говоря о гонениях за веру в советском государстве, следует выделить ряд их направлений. Одной из форм стало ограничение правового положения Церкви, ее приходов и монастырей, духовного сословия, монашествующих. 23 января 1918 года был принят декрет «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви», согласно которому Российская Православная Церковь теряла право юридического лица, провозглашалась светскость государства и школы, национализировались земли, храмы, церковное имущество, передававшееся затем для богослужебных целей в бесплатное пользование религиозным общинам, заключившим соответствующий договор с органами власти. Декрет вытеснял религиозные организации из общественной жизни, юридическим статусом обладали лишь приходы, получавшие регистрацию в органах власти, центральное церковное управление в лице Патриарха и Синода, епархиальные советы не регистрировались.

Реализация декрета проявилась также в отмене преподавания в школах Закона Божия, изъятии из учебных заведений и светских учреждений икон и духовной литературы, метрических книг из церквей¹³. В телеграмме Царевококшайскому совдепу (ноябрь 1918 года), например, говорилось, что местные советы должны приступить к приемке всех религиозных изображений из государственных, общественных, железнодорожных учреждений¹⁴, изымаемая из школ духовная литература передавалась в волостные отделы народного образования¹⁵, после чего, как правило, уничтожалась. С декабря 1919 года церквям запрещено было держать у себя метрические книги, выдавать выписки из них. В одной из телеграмм, датированной сентябрем 1920 года, значилось: «Ввиду отделения Церкви от государства все документы, даваемые служителями религиозных культов, считаются документами частного характера, не имеющими никакой законной силы»¹⁶. Запрещалось проводить какие-либо коллективные внецерковные мероприятия, контролировалось проведение крестных ходов, на которые требовалось получить разрешение органов власти. Например, 12 февраля 1918 года на имя протоиерея Предтеченской церкви села Коротни Николая Ташевского было направ-

лено следующее предписание: «До сведения совета дошло, что Вами предполагается устроить крестные ходы и беседы с населением на политическую тему, в которых Вы намерены призывать население к свержению советской власти путем предания «анафеме». Признавая таковые действия контрреволюционными, влекущими за собою массу нежелательных эксцессов, исполнительное бюро совета депутатов предлагает Вам от подобных выступлений совершенно отказаться, в противном случае со стороны совета будут приняты меры»¹⁷.

10 июля 1918 года вступила в силу Конституция РСФСР, согласно которой провозглашалась свобода антирелигиозной пропаганды, церковнослужители и монашествующие лишались избирательных прав. Духовенство не могло участвовать в выборах, лишалось социального обеспечения по старости, права быть членами профсоюзов, кооперативов, состоять в кассах взаимопомощи, дети священнослужителей не могли обучаться бесплатно в государственных вузах.

Вторым направлением гонений стала экономическая борьба с Церковью, разорение приходов и монастырей, дестабилизация их жизни различными путями. Приказом по Наркомату общественного призрения выдача содержания священнослужителям и законоучителям отменялась с 1 марта 1918 года, с 1 апреля прекращалась выдача средств на содержание церкви, часовен и совершение церковных обрядов¹⁸. В октябре 1919 года было объявлено, что пожертвования в пользу причта разрешается вносить только после сдачи всех имеющихся излишков районным продовольственным комитетам. Духовенство облагалось непосильными налогами, лишилось принадлежавших им церковных домов и квартир. Дороговизна на необходимые продукты побуждала священнослужителей поступать на работу в светские учреждения, дабы обеспечить материальное положение семьи, дать детям образование. Из-за отсутствия достаточного количества грамотных революционно настроенных лиц власти этому не препятствовали. Так в 1919 году краснококшайский священник Порфирий Черкасов работал делопроизводителем¹⁹, а затем заведующим производственного отдела Краснококшайского уездного совета народного хозяйства²⁰, священник городской Входоиерусалимской церкви Николай Преображенский — делопроизводителем коммунального отдела Краснококшайского усовдепа²¹, псаломщик Серафим Воздвиженский — служащим коммунального отдела²², протоиерей Спасской церкви села Малая Юнга Петр Екатерининский — председателем Красногорского кооперативного товарищества, счетоводом Покровского кредитного товарищества²³. Подобный список можно продолжить.

Наряду с недвижимостью у духовенства реквизировалось и имущество. 27 ноября 1918 года решением Пайгусовского волисполкома у священника Александра Яхонтова был отобран граммофон для народного дома²⁴, 26 декабря школьный совет Троицко-Посадской шко-

лы II ступени просил реквизировать для школы пианино, необходимое при устройстве концертов, спектаклей, чтений. Таковое предполагалось изъять у козьмодемьянского священника Иоанна Булгакова²⁵.

Иногда верующие пытались воспрепятствовать ограблению священнических семей. Прихожане Покровской церкви села Ронга, например, «собравшись на приходское собрание имели суждение об отобрании дома священника <отца> Леонида Нурминского <для> помещения в нем Ронгинского волисполкома; постановили: категорически отказать в помещении для Ронгинского исполкома на том основании, что дом этот построен прихожанами специально для помещения своего священника, во-вторых, потому, что здание Ронгинского волисполкома в течение 13 лет уже вторично сгорело дотла, так что общество верующих, отдав квартиру священника под помещение волисполкома, рискует остаться без квартиры для своего священника»²⁶.

Одной из форм противодействия властей приходской жизни были препятствия в приобретении свеч, церковного вина, муки для выпечки просфор, сахара для изготовления вина. В связи с этим в 1920 году в ответ на заявление священников Краснококшайского кантона было сказано, «что всякое снабжение религиозных групп и церквей имуществом, принадлежащим РСФСР, запрещено»²⁷. В результате церковное вино вырабатывалось из сока черники, смородины и малины, ладан изготавливали из древесной серы с добавлением пахучих трав, вместо деревянного лампадного масла использовалось льняное²⁸. И, наконец, в период осуществления политики военного коммунизма в Марийском крае началось закрытие церквей. На этом этапе были упразднены тюремные храмы в Козьмодемьянске²⁹ и Краснококшайске³⁰, домовые церкви при монастырях. Причем осуществлялось это вопреки мнению значительной части населения. В заявлении прихожан Входаиерусалимской церкви в Краснококшайский уездный исполком, например, говорилось: «В заседании исполкома от 7 октября... <...> как видно из выписки, присланной в наш приход, постановлено ликвидировать домовую церковь, приписанную к нашей приходской, находящуюся в одном из корпусов монастыря, якобы необходимую для нужд Утнароба. <...> Входаиерусалимский приход — единственный в городе, где совершается ежедневное богослужение, необходимо нужное для верующих. Религиозное чувство верующих требует ежедневного богослужения. <...> ...Храм (Входаиерусалимская церковь — авт.) в зимнее время для будничного богослужения неподходящ, так как в нем холодно и совершенно невозможно крестить младенцев, почему крещение совершается зимою в домовой церкви. Будничное богослужение посещается главным образом людьми пожилыми, и быть им в холодном храме трудно. Кроме сего, храм обслуживает в зимнее время не только приходские нужды, но и нужды всего города и даже всех под-

городных деревень других приходов, что подтверждают заявления от граждан деревень Коряково, Жуково, Ширяйково, Гомзово, Лапшино и Сидорово.

Принимая во внимание все вышеперечисленное, собрание верующих, состоящее не только из прихожан, но и из богомольцев храма из других городских приходов постановило избрать уполномоченных и избрало их ходатайствовать пред исполкомом об отмене его постановления о ликвидации церкви»³¹.

Особый удар нанесли монастырям национализация имущества и социализация земли. Постановлением исполкома Царевококшайского уездного совета от 16 января 1919 года все постройки, инвентарь, скот, земельные угодья Мироносицкой пустыни были национализированы и переданы в распоряжение уездного отдела земледелия Царевококшайского уездного совета³². На заседании Петриковского волостного исполкома 26 марта 1919 года было решено поместить в помещении монастырского гостинного народного дома слесарно-ремесленную мастерскую, квартиру учительнице определить в здании, где помещается игумен³³. 8 апреля 1919 года волисполком ходатайствовал об открытии при Мироносицкой пустыни лечебницы для обслуживания Петриковской и Вараксинской волостей³⁴. 23 января 1920 года настоятель Мироносицкого монастыря иеромонах Варсонофий (Никитин), впоследствии архимандрит, в отчете епархиальному начальству сообщал: «Хозяйство монастыря, состоявшее из полевых, луговых, лесных угодий нарушено, скот реквизирован, пасека с пчелами отобрадена и единственным пособием на существование братии за последнее время является жертва православных христиан... <...> и доход от служения молебнов пред чудотворным образом Свв. Жен-мироносиц и Владимирской Божией Матери»³⁵.

Хозяйственному разорению подвергся и Царевококшайский Богородице-Сергиев женский монастырь. 17 января 1918 года постановлением Царевококшайского уездного совета у обители были отобраны земли³⁶, 28 сентября того же года в распоряжение комиссариата земледелия Царевококшайского уездного совета перешла монастырская пасека³⁷, затем были национализированы 7 монастырских зданий, в которых расположились общежитие для учащихся, детский сад, квартиры беженцев и советских служащих³⁸. К 9 июня 1918 года у Сурского Михаило-Архангельского мужского монастыря были отобраны засурский хутор с пахотной землей и сенокосными лугами, земля близ слободы Хмелевка, два сада с урожаем яблок, дом в Васильсурске, рыбные ловли на Волге³⁹. 4 мая 1919 года в данную обитель прибыли восемь вооруженных солдат, которые опечатали оба храма, запретили священнослужение, отобрали книги, выгнали братию из корпусов в гостинное помещение. В результате, как сообщал настоятель иеромонах Нифонт (Саличкин), «все монастырское дело совершенно встало»⁴⁰. 12 июля 1919 года в очередном рапорте батюшка свидетельствовал, что вверенный

ему монастырь «в настоящее время находится под строгою распорядительностью коммунистов, живущих в монастыре в гостинном корпусе»⁴¹. В ноябре 1919 года при Михаило-Архангельской обители были открыты трехгодичные педагогические курсы⁴², в распоряжение совета которых перешло все имущество и помещения монастыря⁴³. Пасека обители была передана Козьмодемьянской практической школе садовых рабочих в том же году⁴⁴.

Хозяйственное разорение монастырей не привело к упразднению монашеской жизни на мариинской земле, хотя число насельников и насельниц, конечно же, сократилось. В обителях по-прежнему совершались монашеские постриги, действовали монастырские храмы, приюты, библиотеки, проходили крестные ходы с монастырскими святынями. Видя решимость к сохранению монашеской жизни, власти шли на крайние меры. В 1918 году была упразднена Куженерская Свято-Никольская женская монашеская обитель⁴⁵, 31 января 1921-го начался процесс ликвидации Царевококшайского Богородице-Сергиева женского монастыря⁴⁶, остальные обители были закрыты позже, уже в период НЭПа.

Одной из практикуемых советской властью форм дезорганизации приходской и монастырской жизни стало введение всеобщей трудовой повинности и мобилизации в тыловое ополчение. Согласно циркуляру Народного комиссариата труда от 11 июня 1919 года, священники должны были регистрироваться и направляться на работу Подотделами учета и распределения рабочей силы на общих с прочими гражданами основаниях⁴⁷. В приказе Отдела управления от 22 ноября 1920 года служителям культа предлагалось в двухнедельный срок зарегистрироваться в отделе принудительных работ, в случае неисполнения они несли ответственность по всей строгости закона⁴⁸. На практике это открывало дополнительные возможности для репрессий. В приказе Уржумского уездного комитета по всеобщей трудовой повинности от 1 мая 1920 года сообщалось, что на лесосплав направляется все духовенство моложе 45 лет, отказывавшимся угрожали репрессивными мерами по законам военного времени⁴⁹. В письме настоятельнице Царевококшайского Богородице-Сергиева монастыря игумении Серафиме (Фроловой) от 6 ноября 1920 года говорилось: «Укомтруд просил Вас назначать регулярно каждый день по 10 монашек для сортировки картофеля в Упродкоме. Вчерашнего числа явилось 7 монашек и сегодня совсем никто из них не явился. Укомтруд предлагает Вам сию же минуту назначить на работы по сортированию картофеля вместо десяти 20 монашек в тех видах, что работа экстренная, а время упущено, благодаря неявке монашек. За неисполнение сего требования действия ваши и Ваших монашек будут рассматриваться как саботаж, направленный к тормозу работы»⁵⁰.

13 декабря 1918 года Приволжский окружной штаб издал приказ об обязательном призыве священнослужителей в тыловое ополчение. Чтобы освободиться от мобилизации священни-

ки должны были получить поддержку комбедов, волостных советов, уездных исполкомов. В циркуляре в Петриковский волостной исполком от 18 ноября 1920 года, например, говорилось: «Об освобождении от призыва в войска священнослужителей ходатайства должны быть возбуждены пред Уездкомотсрочкам по приговорам религиозных общин, на каковых сельсовет подписью удостоверяет, что лица эти действительно в контрреволюционных выступлениях замечены не были, и во время нашествия белогвардейцев оставались нейтральными, ... что ходатайство об освобождении сельсовет поддерживает. Сельсовет ходатайство направляет в волисполком... <...> В случае обнаружения контрреволюционности присланного к освобождению лица или каких-либо его действий, направленных против советской власти, ходатайство о священнослужителях надлежит тотчас же задерживать»⁵¹.

26 января 1919 года в исполком Варахсинского волостного совета поступило постановление Ближне-Кузнецовского сельского общества с ходатайством об освобождении от призыва их приходского диакона Петра Кочеткова⁵², впоследствии протоиерея. Оно гласило: «Признавая служение диакона Петра Васильевича Кочеткова полезным и необходимым... <...> ...просить Царевококшайский уездный военный комиссариат об освобождении диакона Петра Кочеткова от военной службы и оставлении его при нашем храме для богослужения и исполнения религиозных нужд по приходу»⁵³. В постановлении приходского совета церкви Владимирской иконы Божией Матери села Кузнецово (март 1919-го) говорилось: «Признавая служение диакона Петра Васильева Кочеткова полезным и необходимым при нашей церкви... <...> ...ходатайствуем об оставлении диакона Кочеткова от военной службы, причем диакон Кочетков никаких выступлений против советской власти не делал; при церкви служил по назначению»⁵⁴. Подобные прошения выявлены также в отношении причта храмов сел Малый Абаснур (31.01.1919)⁵⁵, Нурма (8.02.1919)⁵⁶, Керебеляк (15.02.1919)⁵⁷, Ронга (21.03.1919)⁵⁸, Малая Юнга (26.03.1919)⁵⁹, Кожла-Сола (апрель 1919)⁶⁰, Старый Торъял (11.05.1919)⁶¹, Азъял-Петъял (18.05.1920)⁶². В большинстве своем они не были удовлетворены.

Одним из проявлений гонений за веру в период проведения политики военного коммунизма были, конечно же, политические репрессии. Считая большевизм проявлением утопизма, философ С.Л. Франк писал в связи с этим: «Подлинный и последний идейный источник утопизма... <...> ...есть мысль, что мировое зло и страдание определены не... <...> силой греха, а неправильным устройством мира. К этому присоединяется другая мысль: человеческой воле... <...> дана возможность... <...> сотворения нового, осмысленного и праведного мира взамен старого, неудачного, несправедного. Но старый... <...> мир... <...> упорствует в своем бытии, сопротивляется своему разрушению. Это упорство представляется утопизму

всегда чем-то непонятным, неожиданным, противоестественным, ибо противоречит его представлению об относительно легкой возможности построить новый мир... <...> на этом пути утопизм роковым образом увлекается на путь беспощадного и все более универсального террора»⁶³. Тоталитарное государство стало, таким образом, единственно возможной формой реализации в исторической действительности коммунистической утопии.

С целью подготовки репрессий в апреле 1918 года на волостные советы была возложена слежка за действиями священнослужителей⁶⁴, при наличии «контрреволюционной агитации» предлагалось принимать меры вплоть до ареста виновных и привлечения к суду революционного трибунала⁶⁵. В соответствии с решением VIII съезда партии (1919 год) все коммунисты, независимо от места их работы, были обязаны сотрудничать с ЧК и сообщать о любых проявлениях недовольства советской властью⁶⁶. В развитие этого решения 27 октября 1920 года, например, в партийные организации Козьмодемьянского уезда поступило следующее указание: «Настоящим комитет РКП предписывает Вам помнить, что коммунист, являясь политическим сыщиком, обязан строго следить за настроением сотрудников того учреждения, в котором он работает, дабы вовремя отвести те буржуазные интриги, которые имеют место там, где уполномоченные коммунисты или просто по халатности бездействуют, или не работают политически с определенной целью. Каждый коммунист обязан в своем учреждении аккуратнейше следить за политическим течением мысли сотрудников данного учреждения и с систематической точностью и аккуратностью делать доклады в политбюро, в этом его главная и боевая задача. Те же коммунисты, которые сознательно не исполняют вышеупомянутых обязанностей, те не коммунисты и, потеряв их, партия не теряет ровно ничего»⁶⁷.

Период военного коммунизма характеризовался наличием большого количества чрезвычайных управленческих структур, к числу которых в Марийском крае можно отнести военно-революционный комитет в Краснококшайске, военно-революционный штаб в Козьмодемьянске, ЧК в Краснококшайске, Козьмодемьянске и Кокшайске, революционные трибуналы, уголовно-следственные комиссии, которые наряду с милицией, народными судами содействовали укреплению революционного «порядка». Со второй половины 1918 года репрессии приняли организованный на государственном уровне характер. 2 сентября 1918 года ВЦИК постановил: «На белый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее агентов»⁶⁸. Постановление СНК о красном терроре от 5 сентября развязало руки чрезвычайным органам на местах. В нем говорилось, что «при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью; <...>; что необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых

врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; что необходимо опубликовывать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры»⁶⁹. В одном из воззваний ЧК говорилось: «В муках и крови рождаются новые порядки, так было, так будет, и это мы видим своими глазами. Наивно было в начале нашей революции радоваться, что она бескровна. Этим была создана только возможность усиления контрреволюционной работы, истребляя теперь контрреволюционеров, мы делаем, что должно было быть проделано в октябре. Но лучше поздно, чем никогда.

Предлагаю всем вооруженным силам, находящимся в Чебоксарском и Козьмодемьянском уездах:

1. Каждого, распространяющего ложные и вздорные слухи, сеющего панику, арестовать и доставить в ЧК.

2. Всех, кто агитирует против советской власти и призывает свергнуть ее, истреблять на месте»⁷⁰.

Репрессии в отношении верующих периода военного коммунизма проходили на фоне гражданской войны, интервенции иностранных государств против советской России, крестьянских волнений периода продразверстки. Используя недовольство сельского населения, большевики расправлялись с представителями «чуждых» им сословий. Например, в связи с крестьянским выступлением в деревне Княжна (сентябрь 1918-го) по ложному обвинению были расстреляны священники Антоний Николаев и Хрисанф Поляков⁷¹, арестовывался протоиерей Адриан Троицкий⁷². Продразверстка на местах проводилась малокультурными людьми, отряды ЧК и рабочих, посылаемые в деревню для «наведения порядка», состояли из весьма сомнительных личностей. Это проявилось, например, в ходе крестьянского восстания в селе Емангаши Васильсурского уезда (ныне — Горномарийский район РМЭ), куда в ноябре 1918 года пришел продотряд, состоявший из «коммунистов Егорьевской волости». По воспоминаниям очевидцев в большинстве своем это были деклассированные элементы, часть из них имела уголовное прошлое⁷³. По приходу в село продотрядовцы занялись мародерством, отбирали хлеб, избивали крестьян, которые ответили на это возмущением, убив двух коммунистов. Впоследствии в Емангаши был послан карательный отряд, более 40 человек были расстреляны прямо в селе⁷⁴. Среди них был и священник Александр Руновский, пытавшийся защитить свою паству от расправы и остановить кровопролитие⁷⁵.

Для гонений на Церковь советская власть использовала и напряженную обстановку, сложившуюся в стране в ходе гражданской войны и иностранной интервенции. В сентябре 1918 года в уездные города Поволжья из ЧК Восточного фронта поступила телеграмма следующе-

го содержания: «На чехословацком фронте по всей прифронтовой полосе наблюдается самая широкая необузданная агитация духовенства против советской власти. <...> Ввиду этой явной контрреволюционной работы духовенства предписываю всем прифронтовым Чрезвычайным комиссиям обратить особое внимание на духовенство, установив тщательный надзор за ними, и подвергать расстрелу каждого из них, несмотря на его сан, кто дерзнет выступить словом или делом против советской власти»⁷⁶. 3 октября 1918 года по ложному обвинению был расстрелян священник Свято-Никольского храма села Исменцы Аркадий Отарский⁷⁷, 29 октября того же года приговорен к высшей мере наказания диакон церкви Рождества Пресвятой Богородицы села Хлебниково Алексей Решетов⁷⁸, в 1920 году расстреляли священника Юледурского Петропавловского храма Виктора Фадеева⁷⁹.

Отдельно следует сказать, что большевики всячески препятствовали тому, чтобы о решениях Патриарха Тихона, Поместного собора, проходившего в 1917-1918 годах в Москве, узнавали на местах, зачитывание церковных документов в храмах преследовалось. В связи с этим 17 сентября 1918 года был арестован священник церкви Казанской иконы Божией Матери села Салтакъял Анатолий Ивановский. Конечно, никакой контрреволюционной деятельности батюшка не вел, а пострадал за то, что добросовестно исполнял свои обязанности, не скрывал своих убеждений⁸⁰. 30 октября 1918 года отец Анатолий был расстрелян⁸¹, «охота» за соборными и другими церковными документами продолжалась и далее. 4 сентября 1919 года ЧК призвал в срочном порядке «изъять из пользования священнослужителей, как на дому, так и в церквях, все имеющиеся у них брошюры и воззвания, выпущенные Патриархом Тихоном, а также все епархиальные ведомости и постановления Всероссийского собора с аналогичным содержанием воззваний Патриарха Тихона и другие неофициальные издания, содержащие в себе порицания советской власти... <...> Предупредить священнослужителей, что если они при предъявлении требования о сдаче указанных выше бумаг что-либо скроют, то впоследствии в случае обнаружения таковых они будут преданы суду как враги советской власти»⁸².

Помимо вышеуказанных, в годы проведения политики военного коммунизма арестовывались священники Николай Аникин (Пуялки)⁸³, Василий Трофимов (Акашево)⁸⁴, Николай Евтропов (Козьмодемьянск, четырежды в 1918-м, и однажды в 1919 году)⁸⁵, Иоанн Иванов (Кожла-Сола)⁸⁶, Порфирий Черкасов (Царевококшайск), Симеон Азановский (Морки)⁸⁷, Николай Монастырев (Кутюк-Кинер)⁸⁸, Димитрий Зиновьев (Ронга)⁸⁹, Алексей Пчелкин (Мушерань)⁹⁰, Николай Смирнов (Упша)⁹¹, диаконы Павел Монастырев⁹², Николай Греков (Сотнур)⁹³, Михаил Козыльский (Краснококшайск)⁹⁴. В этот период репрессиям подверглось и монашество. В 1918 году в связи с выступлением крестьян в деревне Княжна по ложному

обвинению в контрреволюционной деятельности в заключении находились насельники Мироносицкого монастыря иеромонахи Варсонофий (Никитин), Гавриил (Бурцев), послушник Николай Юричев⁹⁵, в 1919-м — игумен Сергей (Мытиков), иеромонах Варнава (Максаев), послушники Николай Юричев, впоследствии диакон⁹⁶ и Михаил Петров, впоследствии иеромонах Маврикий⁹⁷. В феврале 1919 года в Сурский Михаило-Архангельский монастырь прибыли коммунисты из села Пайгусово для организации при обители коммуны. Братия воспротивилась этому, говоря, что монастырь был основан крестьянами окрестных деревень, и без их согласия каких-либо изменений вводить нельзя. В результате этих событий были арестованы иеродиакон Серафим (Замятин), послушники Гавриил Васильев и Тимофей Лепешкин⁹⁸. Общее число репрессированных священнослужителей и монашествующих в Марийском крае в 1918-1920 годах по неполным данным составило более 60 человек⁹⁹. Приговоры выносили местные органы ЧК, ревтрибуналы, народные суды, с лета 1919-го по ноябрь 1920 года следственные дела рассматривались в Казани, Вятке и Нижнем Новгороде¹⁰⁰.

Таким образом, период военного коммунизма стал одним из пиков репрессивной политики советской власти против верующих. Причинами гонений стали мировоззренческое противоречие между христианством и большевистской идеологией, оскудение веры у части населения России, характер взаимоотношений государства и Церкви в Синодальный период. Основными направлениями репрессивной политики были ограничение правового положения Церкви и духовного сословия, экономическое разорение приходов, монастырей, духовенства, политические репрессии.

Ранее опубликовано в сборнике статей

«Христианское просвещение и русская культура:

Материалы XIX научно-богословской конференции». Йошкар-Ола, 2016. с. 67–86.

Примечания:

¹ Бердяев Николай. Религиозные основы большевизма / Бердяев Н. Собрание сочинений. Т. 4. Париж, 1990. С. 29.

² Вышеславцев Б.П. Философская ницета марксизма / Вышеславцев Б.П. Сочинения. М., 1995. С. 77.

³ Ильин И.А. Мученичество. Церковь в советском государстве. / Ильин И.А. Собрание сочинений. М., 1998. Т. 7. С. 285-288.

⁴ См. например: Лекция протоиерея Владимира Воробьева об иеромонахе Павле (Троицком), прочитанная 19 октября 2013 года в Свято-Успенском соборе города Вильнюса. <http://sobor.lt/sostoyalis-pervyie-vstrechi-s-protoiereem-vladimirom-vorobevyim>.

⁵ ГА РМЭ. П. 1. Оп. 1. Д. 35. Лл. 37-38.

⁶ Андроник (Трубачев), игумен. Монастыри и монашество. 1700-1998 гг. / Православная энциклопедия. Русская Православная церковь. М., 2000. С. 337.

-
- ⁷ ГА РМЭ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 60. Лл. 47-47 об.
- ⁸ Журавский А.В. Секуляризация монастырских хозяйств национальных республик Поволжья в 1917-1919 годах / Христианское просвещение и русская культура. Материалы III научно-богословской конференции. Йошкар-Ола, 2001. С. 51.
- ⁹ НАРТ. Р.1172. Оп. 2. Д. 683. Л. 3.
- ¹⁰ ГА ПК. Ф. 1368. Оп. 1. Д. 2. Л. 65.
- ¹¹ НАРТ. Р. 1172. Оп. 3. Д. 18. Л. 13 об.
- ¹² Там же. Л. 13.
- ¹³ ГА РМЭ. Р. 275. Оп. 1. Д. 80а. Л. 192 об.
- ¹⁴ ГА РМЭ. Р. 275. Оп. 1. Д. 103. Л. 3.
- ¹⁵ ГА РМЭ. Р. 111. Оп. 1. Д. 96. Л. 127.
- ¹⁶ ГА РМЭ. Р. 261. Оп. 1. Д. 206. Л. 54.
- ¹⁷ ГА РМЭ. Р. 261. Оп. 1. Д. 11. Л. 41.
- ¹⁸ ГА РМЭ. Р. 85. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.
- ¹⁹ ГА РМЭ. Р. 60. Оп. 1 Д. 5. Л. 88.
- ²⁰ ГА РМЭ. Р. 97. Оп. 1. Д. 24. Л. 599.
- ²¹ ГА РМЭ. Р. 60. Оп. 1. Д. 5. Л. 161 об.
- ²² ГА РМЭ. Р. 149. Оп. 1. Д. 23. Л. 32.
- ²³ ГА РМЭ. Р. 664. Оп. 1. Д. 1. Л. 92.
- ²⁴ ГА РМЭ. Р. 262. Оп. 1. Д. 40. Л. 2 об.
- ²⁵ ГА РМЭ. Р. 262. Оп. 1. Д. 106. Л. 38.
- ²⁶ ГА РМЭ. Р. 275. Оп. 1. Д. 182а. Лл. 72-72 об.
- ²⁷ Попов Н.С. Православие в приходах Марийского края Казанской епархии в 20-е годы XX века // «Марийский археографический вестник». 2002 (№ 12). С. 83.
- ²⁸ НАРТ. Р. 1172. Оп. 3. Д. 18. Л. 4 об.
- ²⁹ Елеев В. Тюремные церкви в Марийском крае до Октябрьской революции 1917 года / Христианское просвещение и русская культура. Материалы XII научно-богословской конференции. Йошкар-Ола, 2009. С. 106.
- ³⁰ ГА РМЭ. Р. 180. Оп. 1. Д. 3. Лл. 147-147 об.
- ³¹ ГА РМЭ. Р. 275. Оп. 1. Д. 144. Лл. 466-467.
- ³² НАРТ. Ф. 4. Оп. 150. Д. 115. Л. 87.
- ³³ ГА РМЭ. Р. 111. Оп. 1. Д. 48. Л. 44.
- ³⁴ Там же. Л. 48 об.
- ³⁵ Журавский А.В. Указ. соч. С. 51.
- ³⁶ ГА РМЭ. П. 95. Оп. 1. Д. 10. Л. 317.
- ³⁷ НАРТ. Ф. 4. Оп. 150. Д. 115. Л. 36.
- ³⁸ Там же. Л. 24 об.
- ³⁹ Там же. Л. 101.
- ⁴⁰ Там же. Л. 107.
- ⁴¹ Там же. Л. 105.
- ⁴² ГА РМЭ. П. 4. Оп. 1. Д. 28. Л. 123.
- ⁴³ ГА РМЭ. Р. 38. Оп. 1. Д. 16. Л. 68.
- ⁴⁴ Там же. Л. 59.
- ⁴⁵ Кузнецов Э. Заметки из жизни Куженерского Свято-Никольского женского монастыря // «Мироносицкий вестник». 1998. № 7. С. 7.
- ⁴⁶ ГА РМЭ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 92. Л. 29 об.
- ⁴⁷ ГА РМЭ. Р. 18. Оп. 1. Д. 88. Л. 158.
- ⁴⁸ ГА РМЭ. Р. 238. Оп. 1. Д. 3. Л. 73.
- ⁴⁹ ГА РМЭ. Р. 368. Оп. 1. Д. 170. Л. 141.
- ⁵⁰ ГА РМЭ. Р. 64. Оп. 1. Д. 68. Л. 1062.
- ⁵¹ ГА РМЭ. Р. 111. Оп. 1. Д. 103. Л. 348.
- ⁵² ГА РМЭ. Р. 20. Оп. 1. Д. 228. Лл. 181-181 об.
- ⁵³ Там же. Л. 221.

-
- ⁵⁴ Там же. Л. 224.
- ⁵⁵ Там же. Л. 185.
- ⁵⁶ ГА РМЭ. Р. 20. Оп. 1. Д. 348. Л. 602.
- ⁵⁷ ГА РМЭ. Р. 20. Оп. 1. Д. 228. Лл. 214-214 об.
- ⁵⁸ Там же. Л. 218.
- ⁵⁹ ГА РМЭ. Р. 664. Оп. 1. Д. 1. Л. 92.
- ⁶⁰ ГА РМЭ. Р. 20. Оп. 1. Д. 3216. Л. 15.
- ⁶¹ ГА РМЭ. Р. 368. Оп. 1. Д. 92. Л. 125.
- ⁶² ГА РМЭ. Р. 20. Оп. 1. Д. 348. Л. 223.
- ⁶³ Франк С.Л. Ересь утопизма / По ту сторону правого и левого. Париж, 1972. С. 131-132.
- ⁶⁴ ГА РМЭ. Р. 368. Оп. 1. Д. 16. Л. 24.
- ⁶⁵ Там же. Л. 32.
- ⁶⁶ См. например: Борисова Л.В. Трудовые отношения в советской России (1918-1924). М., 2006. С. 140.
- ⁶⁷ ГА РМЭ. П. 4. Оп. 1. Д. 64. Лл. 41-41 об.
- ⁶⁸ Резолюция ВЦИК по поводу покушения на Председателя СНК В.И. Ленина / Декреты советской власти. Т. 3. М., 1964. С. 267.
- ⁶⁹ Постановление о красном терроре / Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1964. С. 291-292.
- ⁷⁰ ГА РМЭ. Р. 262. Оп. 1. Д. 30. Л. 55.
- ⁷¹ ГА РМЭ. Р. 35. Оп. 1. Д. 61. Л. 100. Более подробно о священниках Антонии Николаеве (<http://ortho-hist-12.ru/index.php?page=antonij-nikolaev-svyaschennik>) и Хрисанфе Полякове (<http://ortho-hist-12.ru/index.php?page=hrisanf-polyakov-svyaschennik>) можно прочесть на сайте комиссии по канонизации святых Йошкар-Олинской епархии.
- ⁷² Архив УФСБ по РМЭ. Д. П-5500. Л. 4 об.
- ⁷³ ЦАНО. Ф. 1678. Оп. 8. Д. 198. Л. 93.
- ⁷⁴ Там же. Л. 94.
- ⁷⁵ Подробнее о священнике Александре Руновском можно прочесть на сайте комиссии по канонизации святых Йошкар-Олинской епархии по адресу <http://ortho-hist-12.ru/index.php?page=aleksandr-runovskij-svyaschennik>.
- ⁷⁶ ГА РМЭ. Р. 368. Оп. 1. Д. 16. Л. 124.
- ⁷⁷ См.: Отарский Аркадий. http://martyrs.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/charset/ans Более подробно о батюшке смотрите на сайте комиссии по канонизации святых Йошкар-Олинской епархии по адресу <http://ortho-hist-12.ru/index.php?page=arkadij-otarskij-svyaschennik>.
- ⁷⁸ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. СУ-11632. Т. 1. Л. 11.
- ⁷⁹ См. Р. 250. Оп. 6. Д. 26. Л. 54; Мимяева В. Добрый пастырь села Юледур // «Мироносицкий вестник». 2006. № 8. С. 27.
- ⁸⁰ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 5. Д. СУ-6538. Т. 1. Лл. 6, 8 об.
- ⁸¹ ГАКО. Ф. 237. Оп. 80. Д. 52. Л. 230 об.
- ⁸² ГА РМЭ. П. 51. Оп. 1. Д. 2. Л. 38.
- ⁸³ ГА РМЭ. Р. 275. Оп. 2. Д. 2. Л. 20 об.
- ⁸⁴ Там же. Л. 21. Впоследствии отец Василий был возведен в сан протоиерея.
- ⁸⁵ ГА РМЭ. П. 4. Оп. 1. Д. 24. Л. 93. Впоследствии отец Николай был возведен в сан протоиерея.
- ⁸⁶ ГА РМЭ. Р. 35. Оп. 5. Д. 7. Л. 16 об.
- ⁸⁷ Там же. Л. 29 об.
- ⁸⁸ ГА РМЭ. Р. 58. Оп. 1. Д. 15. Л. 38.
- ⁸⁹ ГА РМЭ. Р. 90. Оп. 1. Д. 23. Л. 3 об.
- ⁹⁰ ГА РМЭ. Р. 138. Оп. 1. Д. 5. Л. 48 об. Впоследствии отец Алексей был возведен в сан протоиерея.
- ⁹¹ ГА РМЭ. Р. 138. Оп. 1. Д. 15. Л. 26.
- ⁹² ГА РМЭ. Р. 275. Оп. 2. Д. 2. Л. 19. Впоследствии диакон Павел был рукоположен во священника.
- ⁹³ ГА РМЭ. Р. 35. Оп. 2. Д. 7. Л. 35 об. Впоследствии диакон Николай был рукоположен во священника.
- ⁹⁴ ГА РМЭ. Р. 633. Оп. 1. Д. 22. Л. 94.
- ⁹⁵ ГА РМЭ. Р. 35. Оп. 5. Д. 7. Л. 29 об.
- ⁹⁶ Там же. Лл. 3, 29 об.
- ⁹⁷ ГА РМЭ. Р. 1086. Оп. 7. Д. 1071. Л. 26 об.

⁹⁸ ГА РМЭ. П. 355. Оп. 1. Д. 2. Лл. 1-2.

⁹⁹ Подсчеты выполнены на основании обобщения материалов фондов ГА РМЭ, архива УФСБ по РМЭ, архива Комиссии по канонизации святых Йошкар-Олинской епархии.

¹⁰⁰ Там же.